

Т5(2)Я5
С56

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

59198
26165

1* 9 АПР 1973

6

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

1 9 6 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Б. Х. КАРМЫШЕВА

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ УЗБЕКИСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА

Основные этапы этнической истории населения Узбекистана и Таджикистана обстоятельно рассмотрены в соответствующих разделах коллективного труда «Народы Средней Азии и Казахстана» из серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии Академии наук СССР¹. Обширные этнографические материалы о населении Узбекистана и Таджикистана, накопившиеся у ряда исследователей, особенно за последние 10—15 лет, дают возможность выявить особенности в истории формирования населения отдельных историко-культурных областей этих республик.

Предлагаемое сообщение содержит некоторые из собранных автором полевых этнографических материалов по истории формирования населения обширной области, включающей бассейны ряда правых притоков Пянджа — Аму-Дарьи: Обиниоу, Кзылсу, Вахша в его среднем и нижнем течении, Кафирнигана, Сурхан-дарьи и Ширабад-дарьи. Эту область, входящую ныне в состав Таджикской ССР и Узбекской ССР, можно рассматривать в историко-культурном плане как часть более широкой области, расположенной к югу от Гиссарского хребта и простирающейся вплоть до Гиндукуша (исторически — Тохаристана).

Большая часть территории изучаемой области занята горами, которые не только отгораживают ее от соседних областей (исключая южную границу), но и отделяют долину одной реки от другой. Своеобразие изучаемой области заключается в том, что она расположена на стыке двух культур: горно-таджикской оседлой земледельческой и степной кочевой скотоводческой. Горы (особенно в их верхней части) были заселены в основном таджиками, а долины рек, включая полого поднимающиеся подгорные равнины, а также предгорья были заняты преимущественно полукочевыми узбеками.

В XVIII—XIX вв. рассматриваемая область периодически входила в состав Бухарского ханства. Социально-экономические условия феодального Бухарского ханства обусловили незавершенность процессов национальной консолидации населяющих его народов к началу XX в., которая выражалась в чрезвычайной пестроте этнического состава населения ханства, в том числе и изучаемой области. Эта пестрота усугублялась еще тем, что повсеместно продолжалось сохраняться деление каждой народности на родоплеменные и территориальные группы.

Основное население области составляли таджики (около 55%) и узбеки (около 42%). При этом в бассейне Сурхан-дарьи узбеки преоб-

¹ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, М., 1962.

ладали (66%), а в районах, включенных в состав Таджикистана, они составляли меньшинство (33,1%)².

Помимо таджиков и узбеков, в рассматриваемой области проживали в незначительном числе туркмены, казахи, киргизы, каракалпаки, арабы, цыгане, индийцы, хазара, белуджи и мелкие группы, происхождение которых не вполне выяснено (чинаки, лярхоби, шоумари, суджони, утабулки, обсарина, каволи и др.)³.

Таджики изучаемой области подразделялись самым местным населением на две большие группы, несколько отличающиеся друг от друга особенностями говора, материальной и духовной культуры. Одна из этих групп называлась чагатай (около 20,6% всех таджиков области), а другую мы условно назовем кулоби (около 75%). Кроме того, имелись незначительные группы выходцев из соседних местностей (каратегини, ягноби, роги, хардури и др.).

Кулоби — исконное местное население. Это — типичные горные таджики, которых общность культуры объединяет с каратегинцами, дарвазцами и припамирскими таджиками⁴. Они населяли в основном горные и предгорные районы Куляба и южные склоны Гиссарского хребта (преимущественно на восток от Каратага), а также невысокие хребты, спускающиеся к Аму-Дарье: Каратау — вдоль правого берега Вахша и Горданиушти — вдоль левого берега Кафирнигана.

Говоры этой группы относятся, по классификации В. С. Расторгуевой, к южной группе таджикских говоров⁵.

Что касается термина кулоби («кулябцы»), то его значение варьировало в зависимости от того, какая группа населения и где его употребляла: для жителей собственно области Куляба, когда они находились за пределами своей области, а также для потомков давних выселенцев из Куляба, проживающих в сопредельных этой области странах, он служил самоназванием⁶; чагатаи под термином кулоби понимали, как показывают наши полевые записи, нечагатайское таджикское население изучаемой области; жители Средней Зеравшанской долины⁷ этим

² Все данные о численности относятся к 1924—1925 гг. См.: «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I — Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I — Бухара, Ташкент, 1926.

³ Об этническом составе населения южных районов Таджикистана и Узбекистана см.: «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 149—250; М. Г. М а л л и ц к и й, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 50—69; А. К. П и с а р ч и к и Б. Х. К а р м ы ш е в а. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, «Изв. Отделения обществ. наук АН ТаджССР», Сталинабад, 1953, № 3, стр. 73—97; Б. Х. К а р м ы ш е в а. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», XXVIII, М., 1957, стр. 14—19; Л. В. О ш а н и н, Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. LXII, Сталинабад, 1957; е г о ж е, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. III, Труды Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина, нов. сер., вып. XCVIII, исторические науки, кн. 18, Ереван, 1959, стр. 7—26; К. Н а д ж и м о в, Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области, Труды Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина, нов. сер., вып. 143, биологические науки, кн. 35, Ташкент, 1958.

⁴ Гипотезу об этнической общности указанных групп таджиков см. Н. А. К и с л я к о в, К вопросу об этногенезе таджиков, «Сов. этнография», VI—VII, М., 1947, стр. 314—319.

⁵ В. С. Р а с т о р г у е в а, Опыт классификации таджикских говоров, Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. II, М., 1963, стр. 303.

⁶ Р. Л. Н е м е н о в а, Кулябские говоры таджикского языка (северная группа), Сталинабад, 1956, стр. 10; е е ж е, Таджики Варзоба (отчет о поездке в 1961 г.), «Изв. Отделения обществ. наук АН ТаджССР», I (32), Душанбе, 1963, стр. 69.

⁷ По долине Кашка-дарьи записей по этой теме у автора не имеется.

термином обозначали нередко не только выходцев из Куляба, но и из Каратегина.

Чагатаи, как показывают наши этнографические материалы, по своему происхождению больше связаны с населением северо-западных областей; они, по-видимому, образовались в результате ассимиляции местным населением выходцев с бассейна Кашкадарьи и долины Зеравшана (областей, где значительная группа таджиков и узбеков также называлась чагатаями).

Расселение чагатаев подтверждает мысль об их происхождении из северо-западных областей. В бассейне Сурхандарьи они составляли значительную часть таджиков (39%); по мере продвижения на восток число их уменьшалось, и в долине Кзылсу, в Кулябе, они составляли всего 9% таджикского населения. Об этом говорят и некоторые лингвистические данные: говоры таджиков Байсунского района, где чагатаи составляли значительную часть, относятся к северной группе таджикских говоров⁸.

Вопрос о термине чагатай требует специального рассмотрения. Здесь отметим лишь, что со времени его возникновения и до начала XX в. он претерпел большие изменения. Эволюция этого термина до XV в. включительно прослежена А. Ю. Якубовским⁹. Первоначально он прилагался к четырем монгольским племенам — барлас, джалаир, каучин и орлат, которые составляли войско Чагатай. Немногим более столетия спустя, в 60—70 гг. XIV в., под чагатаями хотя и продолжали понимать указанные четыре племени, но представители их говорили уже только по-тюркски. В XV в. термин чагатай приобрел более широкое значение: чагатаями стали именовать все тюркское население Мавераннахра. Позже, в период борьбы тимуридов с шейбанидами, как справедливо считал Н. Г. Маллицкий, все население Мавераннахра, как тюркское, так и таджикское стало именоваться чагатайским народом, в противоположность узбекам Шейбани-хана¹⁰. Автору представляется, что термин чагатай в этом значении употреблялся преимущественно узбеками Шейбани-хана¹¹, а само население Мавераннахра в этот период называло чагатаями тех из служилых людей в государстве тимуридов, которые не могли быть названы по племенному имени, ибо его не имели, да и тюрками не могли называться, так как далеко не всегда были тюрками по языку¹².

Каково бы ни было происхождение термина чагатай и каково бы ни было его значение в других местностях (в частности, в Пакистане и северо-западной Индии), в изучаемой области в 20-х годах XX в. это название являлось эквивалентом термина сарт, который здесь не бытовал¹³.

Часть таджиков бассейна Сурхандарьи, тождественная по своей

⁸ Х. Хамроқулов, Шевахои тоққони райони Бойсун, Душанбе, 1961, стр. 152—156.

⁹ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941, стр. 10.

¹⁰ Н. Г. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, ч. I стр. 63.

¹¹ Гулбадан бегим, Хумаюннома, Тошкент, 1959, стр. 94, 119; Мухаммед Юсуф Мунши, Муким-ханская история (перевод с таджикского А. А. Семенова), Ташкент, 1956, стр. 99, 101, 262; Абдурахман-и Тали', История Абдул-Фейз-хана (перевод с таджикского А. А. Семенова), Ташкент, 1959, стр. 44, 46.

¹² Бобур отличал чагатаев от тюрков, в том числе и от барласов и джалаириров (Заҳириддин Муҳаммад Бобир, Бобирнома, Тошкент, 1960, стр. 238, 276).

¹³ То же наблюдается и в северном Афганистане («Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 155). Полевые материалы об употреблении термина чагатай в бассейне Сурхандарьи см. Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, стр. 17, 18.

культуре чагатаям, называла себя хисори, т. е. исконными жителями Гиссара (любезно сообщено нам И. Хидоятковым).

Как и чагатаи, выходцами из областей, расположенных к северо-западу от Гиссарского хребта, были таджики хардурі, происхождение которых пока неясно. Основная их масса проживала в юго-восточной части бассейна Кашкадарьи, а в изучаемой области они встречались лишь в верховьях Сурхана и Шарабад-дарьи¹⁴.

Узбеки были представлены также несколькими группами различного происхождения. Оседлые узбеки, не имевшие родо-племенного деления, состояли в основном из тюркоязычной части чагатаев (2,6% всех узбеков области). Полукочевые узбеки состояли из группы «тюрк» (10,1% всех узбеков) — исторических потомков тех тюркских и монгольских племен и народностей, которые были более ранними, чем дешти-кипчакские узбеки, пришельцами в Среднюю Азию¹⁵, и узбеков дешти-кипчакского происхождения (до 75% всех узбеков), отчасти вобравших в себя представителей и некоторых более ранних тюрко-монгольских племен. Кроме этих двух групп, был ряд мелких (могál, батáш, меришкóр и др.), происхождение большинства которых недостаточно ясно.

Тюрки были представлены как группами, с очень давних пор живущими здесь (например, карлуки и тюрки южного Таджикистана), так и относительно недавними выходцами с севера, преимущественно из района Уратюбе (например, группа *омада* барласов Гиссарской долины).

В составе узбеков дешти-кипчакского происхождения были такие крупные племена, как дурмен, кунграт и локай, именно здесь находились их племенные территории (юрт) и осколки ряда других племен (роды марка и туркмен — из племени юз, кесамир и семиз — из племени найман, ряд родов племени катаган и др.).

Между отдельными этническими группами, каждой из которых был присущ более или менее определенный тип хозяйства, существовали тесные экономические связи, которые приводили к глубокому взаимовлиянию и сближению культур и в то же время позволяли каждой группе сохранять некоторые особенности культуры и быта.

Основными занятиями горных таджиков были хлебопашество, садоводство и виноградарство (там, где позволял климат), а также скотоводство со стойловым содержанием скота в зимний период. Подсобными занятиями их были некоторые виды домашних промыслов и отходничество.

Части долин и предгорий, освоенные под орошаемое земледелие, занимали чагатаи и хисори, составляя основное население ряда крупных селений и отчасти городов. В их хозяйстве наряду с хлебопашеством значительное место занимали рисосеяние, садоводство, виноградарство и хлопководство, а также получили развитие различные виды ремесла и домашних промыслов, в частности производство хлопчатобумажных тканей. Скотоводство играло подсобную роль.

Тюрки занимали преимущественно верхние части предгорий и горы; выше их жили горные таджики, а ниже — чагатаи и узбеки. Там, где тюркские кочевья располагались рядом с чагатайскими и таджикскими селениями, последние занимали долины горных рек, а тюрки —

¹⁴ О хардурі см. М. Эшнине́зов, Хардурі. Уч. зап. Таджикского гос. университета, XIV, Сталинабад, 1956, стр. 101—110; Б. Х. Кармышева, Указ. раб., стр. 18—19.

¹⁵ О тюрках см. Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1.

водоразделы, представляющие собой обычно безлесные холмы. Тюрки занимались отгонным овцеводством и отчасти коневодством с круглогодичным содержанием скота на подножном корму.

Маловодные горы Бабатага и Южнотаджикистанское низкогорье с прилегающими к ним широкими межгорными долинами, являющиеся прекрасными пастбищами, а также заросшие тугаями поймы больших рек в их среднем и нижнем течении были заняты многочисленными кочевыми узбекскими племенами.

Постепенно они освоили богарное, а в речных поймах и поливное земледелие, но отгонно-пастбищное скотоводство продолжало играть в их хозяйстве ведущую роль. Были развиты некоторые виды домашних промыслов. Узбекские мастера из тех племен, которые имели зимовки вблизи поймы рек, выделяли остовы решетчатых юрт (юрта была основным и обычно единственным видом жилища у полукочевых узбеков). Славилась мастера-ювелиры некоторых узбекских племен, в частности локаицев, которые, помимо серебряных украшений, выделяли богатую верховую сбрую. Женщины ткали ковры.

Описанное разнообразие в типах хозяйства издревле обусловило экономические связи внутри небольших районов. В центре такого естественно сложившегося района находилось селение с еженедельным базаром или небольшой город. На базар полукочевые узбеки и тюрки пригоняли скот, привозили изделия из шерсти, закупали же хлеб, фрукты, продукцию ремесленного производства, в первую очередь хлопчатобумажные ткани (куски ткани и овцы нередко выступали в роли всеобщего эквивалента). По мере развития земледелия у полукочевых узбеков (особенно с начала XX в.) хлеб стал поступать и из узбекских районов богарного земледелия. Продажей дров и угля занимались преимущественно горные таджики и так называемые тогчи (тоғ чи — горцы) — узбеки, которые относили себя к племени катаган, но происхождение которых автору еще не совсем ясно. Тогчи были известны среди местного населения и как литейщики. Продажей топлива и соли занималась и беднота из других этнических групп.

Обмен продуктами население широко осуществляло и помимо базара. Чабаны из тюрков и узбеков, когда находились с отарами овец на летних пастбищах, вблизи таджикских селений, обменивали там шерсть и сушеный сыр (курут) на сухие фрукты и грецкие орехи. Горные таджики привозили в узбекские и тюркские кочевья каменные плиты, которые служили для выпечки хлебных лепешек, гончарную и деревянную посуду¹⁶. По кишлакам и кочевьям разъезжали цыгане, обменивая предметы своего изготовления — деревянную посуду, ложки, сита, ювелирные украшения — на пшеницу, муку, овец и коз.

Экономические связи не ограничивались обменом или торговлей, а принимали различные спосредствованные формы. Например, тюрки давали земледельцам на период сельскохозяйственных работ волов, получая за это определенную долю урожая. Осенью после снятия урожая с полей скотоводы имели право выпасать стада на стерне¹⁷.

¹⁶ В южных районах Таджикистана, где у горных таджиков, как и в соседних областях, бытовало женское гончарство без применения гончарного круга, кувшины для воды охотно приобретались узбеками, при этом за каждый кувшин полагалось столько зерна, сколько он мог вместить, что наблюдалось и в северном Таджикистане (Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXVIII, Сталинабад, 1960, стр. 27).

¹⁷ Интересные данные об экономических связях различных этнических групп Центрального Афганистана имеются в ряде работ датского этнографа Клауса Фердинанда, в частности в статье «Nomad expansion and commerce in Central Afghanistan», «Folk», 4, København, 1962, стр. 123—125.

Широко бытовал обычай так называемого торгового друга, когда скотовод имел в базарном селении или городе «приятеля» (ошна), у которого накануне базарного дня размещал пригнанный для продажи скот. Горожанин помогал степняку продать скот, выступая посредником, а также приобрести нужные продукты. За хлопоты скотовод обычно брал на выпас несколько голов скота своего «приятеля».

Этнографические материалы наглядно показывают, что кочевое и оседлое население жило мирно. Войны и набеги, от которых страдали как земледельцы, так и скотоводы, являлись преимущественно результатом междоусобных распрей феодальной верхушки.

Основной этно-культурный процесс, который протекал на изучаемой обширной территории, был тот же, что и в ряде других областей Средней Азии, — взаимное культурное влияние, сближение и частичное слияние оседлого (преимущественно ираноязычного) и кочевого (преимущественно тюркоязычного) населения. Этот процесс охватывал все стороны быта — хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру.

Наиболее сложным и длительным, постоянно и повсеместно протекавшим процессом было оседание кочевников и утрата ими родоплеменных традиций. Оседание было тем важнейшим процессом, при котором и происходило усвоение культуры соседей.

Там, где полукочевые узбеки и турки жили компактной и многочисленной группой, процесс оседания и изживания родоплеменных традиций, естественно, протекал очень медленно. Такие узбекские племена, как локай, кунграт и дурмен, вплоть до 20-х годов XX в. сохраняли, несмотря на значительное распространение у них земледелия, полукочевой образ жизни и родоплеменное деление, которое играло существенную роль в их быту. В тех случаях, когда представители этих племен оказывались среди оседлого населения в небольшом числе, они со временем переставали отличаться от последних.

Особой сложностью отличалось население районов орошаемого земледелия. Знакомство с названиями кварталов крупных чагатайских селений, расположенных в широкой долине, ограниченной на западе Кугитанскими горами, а на востоке — Байсунскими, показало, что в каждом из этих селений имеются потомки полукочевых узбеков, турков, туркмен, арабов и др., давно утерявшие связь со своими сородичами и считающие себя чагатаями. Например, среди названий кварталов таджикского селения Зарабак имеются такие, как Кенагас, Кутчи и Хазора. Эти названия говорят не только о том, что предками их носителей были представители узбекских племен — кенегес и кутчи, а также хазара, но и о том, что часть жителей этого селения были выходцами из бассейна Кашкадарьи и Зеравшана и левобережья Аму-Дарьи. Подтверждается это и местными преданиями.

Этнографические материалы по Узбекистану и Таджикистану убедительно доказывают, что хотя основной массив населения той или иной области и оставался устойчивым, но переселения части населения из одной области в другую, а также перемещения внутри отдельных районов и областей происходили постоянно, усиливаясь в годы стихийных бедствий или политических потрясений и затухая в относительно спокойные времена. Последнее крупное передвижение населения происходило в первой половине XVIII в., в период наибольшего ослабления ханской власти в Бухаре, бесконечных кровопролитных междоусобных феодальных войн и глубокого экономического упадка.

Взаимное культурное влияние и сближение кочевого и оседлого

населения происходило не только в результате оседания кочевников и совместного их поселения с оседлыми жителями, но и в тех случаях, когда первые продолжали сохранять полукочевое скотоводство, а вторые — оседлое земледелие. Яркий пример этому — тюрки и горные таджики. Этнографические материалы подтверждают мнение историков о том, что благодаря близкому соседству в течение многих веков с горными таджиками значительная часть тюрков растворилась в таджикской среде. Однако часть тюрков вплоть до 1920-х гг. сохраняла полукочевой образ жизни, занимаясь отгонно-пастбищным скотоводством. Эта группа тюрков, в своем большинстве двуязычная, по обычаям, обрядам и верованиям была значительно ближе к горным таджикам, чем к оседлым узбекам, не говоря уже о полукочевых узбекских племенах.

Влияние культуры кочевников на оседлое население в некоторых районах было достаточно ощутимым. В бассейне Сурхана и Ширабад-дарьи, где юрта была широко распространена в качестве летнего жилища у оседлого узбекского и таджикского населения, в некоторых местностях таджикские женщины сами ткали узорные шерстяные полосы и даже ворсовые изделия для юрты, воспроизводя узбекский орнамент. Способ хранения коровьего масла в нерастопленном виде в сосуде из бараньего желудка и многое другое проникло в таджикский быт от кочевников.

Выше говорилось о двуязычии тюрков. Однако это было более характерно для таджиков. Таджики-чагатаи в большинстве своем были двуязычны, а у горных таджиков узбекским языком владели, как правило, только мужчины, занимавшиеся отхожим промыслом. Узбеки-чагатаи, а тем более полукочевые узбеки, далеко не везде владели таджикским языком.

В феодальный период описанные выше этнические процессы протекали очень медленно. Отсталость, застойность экономики, натуральное и полунатуральное хозяйство не позволяли экономическим связям внутри мелких районов перерасти в широкие межобластные связи. Не произошло и специализации отдельных районов и областей, ведущей к развитым товарно-денежным отношениям, к развитию капиталистической экономики. Бесконечные феодальные войны нередко приводили хозяйство к полному упадку. Административное деление и взимание налогов, основанные в районах полукочевого скотоводства на племенном принципе, способствовали замкнутости отдельных племен. Родо-племенная верхушка всячески поддерживала в быту пережитки родо-племенных традиций.

Присоединение Средней Азии к России оказало положительное влияние на развитие ее экономики, что несколько активизировало и этнические процессы даже в этих отдаленных районах. Прекращение феодальных войн способствовало восстановлению сельского хозяйства и ремесла. Безопасность караванных путей, рост городов в Туркестанском крае привели к расширению торговли. Но развитие товарно-денежных отношений углубило классовое расслоение, привело к захвату общинных пастбищ богатыми скотоводами, все теснее связывавшими свое хозяйство с рынком, к разорению мелких скотоводов и переходу их к земледелию и оседлому образу жизни. Со временем и богачи стали расширять свои посевы и поставлять на местные рынки богарную пшеницу.

Оседание кочевников и полукочевников вело к стиранию различий между отдельными группами узбеков. Однако процесс консолидации таджикской и узбекской наций, который в Туркестанском крае уско-

рился (хотя и не завершился), в Восточной Бухаре, далекой окраине и колонии Бухарского ханства, только начинался.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, установление Советской власти и строительство социализма коренным образом изменили социально-экономические условия в изучаемой области.

В результате большой подготовительной работы в 1924 г. было осуществлено национально-государственное размежевание республик Средней Азии. Было проведено также административное районирование Средней Азии; материалы для этого районирования и научного обоснования границ новых республик были подготовлены специальной комиссией, которая провела тщательное по тому времени изучение этнического и племенного состава населения бывших Бухарского и Хивинского ханств.

Все дальнейшее развитие многочисленных народностей и этнографических групп Средней Азии убедительно показало, как эти мероприятия были своевременны и на каком высоком научном уровне они были проведены. За 40 лет существования Узбекской и Таджикской Советских Социалистических Республик сложились высокоразвитые узбекская и таджикская социалистические нации. В процессе формирования этих крупных наций с ними постепенно сближались и сливались мелкие народности и этнографические группы. Этот естественный и прогрессивный процесс продолжается и в наши дни.

SUMMARY

Presented in the article are some of the ethnological materials, collected by the author in the field, on the history of the population formation in the extensive territory comprising the basins of the right-side tributaries of the Amu Darya, from the Obinou in the east to Shirabad Darya in the west. The ethnic composition of the population of this territory before the October Revolution presented a motley picture: apart from the main population, the Tajiks and the Uzbeks, it included small numbers of Turkmenians, Kazakhs, Kirghiz, Kara-Kalpaks, Arabs, Gipsies, Indians, Khazars, Baluchis and isolated groups of people whose origin is unclear. All these population groups preserved the division into tribal and neighbouring communities.

During the 40 years of the existence of the Uzbek and Tajik Soviet Socialist Republics two highly developed nations, the Uzbeks and the Tajiks, have been formed. In the process of the emergence of these big nations, the smaller peoples and ethnographic groups gradually came closer to them and amalgamated with them. This natural and progressive process continues in our day.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

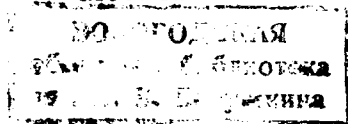
Май — Июнь

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Б. Х. Кармышева

ТИПЫ СКОТОВОДСТВА В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ УЗБЕКИСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА

(КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX ВЕКА)¹

Большой коллектив советских этнографов ныне работает над составлением Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. В первую очередь планируется подготовка выпусков, посвященных земледелию и скотоводству². В этой связи одной из серьезных задач становится систематизация всего накопившегося по отдельным историко-культурным областям материала по скотоводству и выделение его основных типов (систем, форм) — исторически сложившихся способов ведения скотоводческого хозяйства; необходим также целенаправленный сбор новых данных по этой проблематике³.

В статье мы попытаемся, используя свои материалы многолетних полевых исследований, выделить типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана в конце XIX — начале XX в., т. е. на протяжении лишь одного из трех исторических периодов, которые должны быть отражены в атласе⁴.

Обширная область, где проводились наши исследования, расположена в бассейне правых притоков Пянджа и Амударьи, к югу от Гиссарского хребта. До Великой Октябрьской социалистической революции эта область составляла большую часть так называемой Восточной Бухары — Шерабадское, Байсунское, Гиссарское, Денауское, Кургантюбинское, Кабадианское, Кулябское и Бальджуанское бекства Бухарского ханства.

Природные условия Восточной Бухары были весьма благоприятными для занятия скотоводством: наличие богатых сезонных пастбищ и теплый климат позволяли в большинстве районов содержать скот круглый год на подножном корму. Следует, однако, отметить, что здесь, как и во всякой другой горной стране, характер климатических условий и микроклиматические особенности определялись в значительной степени вертикальной зональностью.

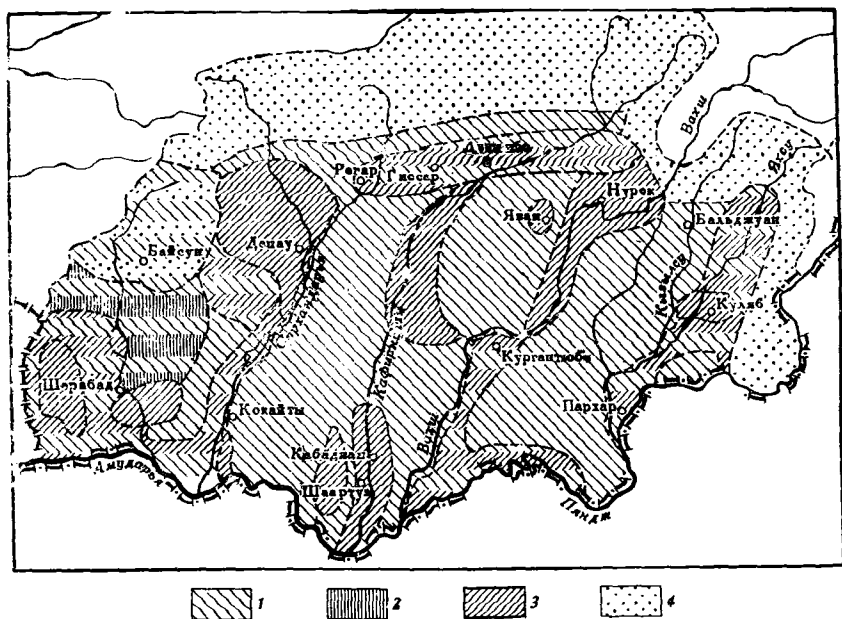
¹ Основные положения статьи были доложены автором на Региональном совещании по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, проходившем в Ашхабаде в декабре 1967 г.

² «Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Методические материалы», М., 1967 (далее «Региональное совещание»), стр. 4—5.

³ См. С. М. Абрамзон, Программа для сбора материалов по теме «Животноводство» к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана, «Региональное совещание», стр. 43.

В связи с составлением Историко-этнографического атласа Кавказа аналогичная работа осуществляется и этнографами-кавказоведами (см., например: Б. А. Калоев, Программа сбора материалов по земледелию и скотоводству для Кавказского Историко-этнографического атласа, М., 1968; Ю. И. Мкртумян, Формы скотоводства в Восточной Армении, Автореферат канд. дисс., М., 1968.

⁴ «Региональное совещание», стр. 4.

Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана в конце XIX — начале XX века: 1 — отгонно-пастбищный; 2 — кочевой; 3 — выгонный; 4 — стойлово-выгонно-яйлажный.

Этнический состав населения Восточной Бухары отличался большим разнообразием. Высокогорные районы были заселены преимущественно таджиками, а долины рек (по средним и нижним их течениям) и невысокие горы между ними — полукочевыми узбеками, среди которых были вкраплены группы искони оседлого узбекского и таджикского населения, в основном так называемых чагатаев. Помимо таджиков и узбеков в рассматриваемой области жило незначительное число туркмен, арабов, цыган, индийцев, хазарейцев, белуджей, казахов и др.⁵ Эта пестрота этнического состава усугублялась тем, что повсеместно сохранялось деление некоторых из этих народностей на родо-племенные и территориальные группы, в той или иной мере отличавшиеся друг от друга по своему происхождению и культурным традициям.

В конце XIX — начале XX в. население изучаемых районов вело в основном комплексное хозяйство, сочетая земледелие со скотоводством, домашними промыслами или ремеслом. Соотношения этих отраслей и способы ведения хозяйства были разными, что обуславливалось разнообразием природных условий, этнического состава населения и его культурных традиций. Разными были, в частности, способы ведения скотоводства.

Анализ собранных материалов показывает, что в южных районах Узбекистана и Таджикистана можно выделить четыре основных типа скотоводства: 1) отгонно-пастбищный, 2) кочевой, 3) выгонный и 4) стойлово-выгонно-яйлажный.

Отгонно-пастбищный тип скотоводства был характерен для полукочевых узбеков, отдельных групп таджиков, живших на южных склонах Гиссарского хребта, в Байсунских и Кугитангских горах, а также для туркмен, арабов и некоторых ираноязычных полукочевых народностей, расселенных преимущественно по берегам Пянджа и Амударьи. При отгонно-пастбищном скотоводстве основное поголовье

⁵ Б. Х. Кармышева, К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана, «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 96.

скота круглый год содержалось на сезонных пастбищах, находясь большую часть времени под присмотром пастухов; население же совершало две или три перекочевки. Животноводы периодически подкармливали рабочих волов, баранов-производителей, иногда коров. Лишь ездовые кони и поставленные на откорм бараны находились на постоянном стойловом содержании.

В хозяйстве полукочевых узбеков скотоводству принадлежало ведущее или равное с земледелием место (только у отдельных групп, в частности, у карлуков Южного Таджикистана, оно было почти единственным занятием). Основные направления скотоводства у полукочевых узбеков — овцеводство (главным образом курдючное) и табунное коневодство. Они разводили также коз, крупный рогатый скот, служивший основной тягловой силой в земледелии, и верблюдов. Лошадей использовали в земледелии преимущественно при молотье (пахали на них лишь в некоторых районах) и, так же как верблюдов и ослов, — при перевозке снопов, зерна и соломы.

Такой состав стада был, как нам уже приходилось отмечать, типичным для хозяйства полукочевых узбеков⁶. Однако встречались и отклонения. Например, малочисленная группа узбеков — каратамгалы, жившая в Гиссарской долине (к юго-востоку от Узуна), разводила крупный рогатый скот, который содержался круглый год в тугаях речной поймы. Овец у каратамгалы было мало, и их не отгоняли на дальние пастбища. Население не кочевало. Другая группа полукочевых узбеков — кунграты, занимавшие полупустынные районы, наряду с овцами имели значительное число верблюдов (у остальных узбекских племен южных районов Узбекистана и Таджикистана верблюдов было мало). В хозяйстве племен локай и марка ведущей отраслью было коневодство.

Состав стада у отдельных хозяев определялся прежде всего зажиточностью каждого из них. Отары овец и табуны лошадей держали богатые скотоводы, их хозяйство носило товарный характер. Крестьяне среднего достатка имели обычно все виды скота в таком соотношении, чтобы как можно полнее обеспечить семью и хозяйство всем необходимым. У бедняков же было в лучшем случае по несколько коз и овец.

Пастбища в южных районах Узбекистана и Таджикистана по своим природным особенностям и характеру использования делятся на три группы: 1) осенне-зимне-весенние пастбища предгорно-низкогорных районов; 2) проходные пастбища среднегорных районов; 3) летние пастбища высокогорных районов⁷.

В Средней Азии лучшими пастбищами для зимовки скота и выпаса его в ранневесенний период являются пустыни. В изучаемой области пустынь очень мало (лишь небольшие площади на юге), поэтому с середины ноября до середины мая, — зиму, осень и весну, — скот держат на пастбищах типично весенних, т. е. дающих максимальное количество корма в весенний период. К ним относятся низкогорные (800—1200 м над уровнем моря) полупустынные эфемерные пастбища Южно-таджикостанского низкогорья (включая юг Сурхандарьинской области), где между невысокими хребтами протянулись широкие долины.

Среднегорная зона (1200—2400 м) служит проходными пастбищами. В этой полосе значительные пространства заняты богарными посевами.

⁶ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, вып. 1, Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII, Сталинабад, 1954; см. также: Н. Г. Борозна, Изменения в хозяйстве узбеков долины Кафирнигана, «Сов. этнография», 1963, № 1, стр. 26—38.

⁷ О. И. Морозова, Пастбища и их использование, сб. «Советский Таджикистан», Сталинабад, 1950, стр. 38.

поэтому весной и в начале лета (вторая половина мая — июнь) скот перегоняемый на летние высокогорные пастбища, идет здесь по определенным удаленным от посевов маршрутам. Пасут его только на свободных от посевов площадях. При обратном движении стад осенью скот пасут по стерне убранных хлебов.

К высокогорным пастбищам субальпийской зоны (2400—3400 м) отары овец доходят в июне. Низкотравные альпийские луга располагаются на высоте 3200—3800 м. Стада сюда прибывают не раньше половины июля и остаются до конца августа. Таким образом, путь отар от зимних пастбищ до летних измеряется десятками, а нередко и сотнями километров (до пятисот).

Наиболее типичный цикл перекочевков у полукочевых узбеков был следующим. Зимовки (кишлаки) располагались в долинах рек или на южных склонах адыров (холмов), в укрытых от ветров лощинах у родников и колодцев; скот пасли в зоне кишлаков. Только богатые хозяева угоняли свои отары на пастбища в пустыни (в том числе и на славившиеся зимние пастбища Кабадиана), где скот находился под присмотром наемных чабанов.

Ранней весной (к началу ягнения овец) узбеки покидали кишлаки и переселялись в степь или на ближайшие адыры. Владельцы крупных табунов лошадей угоняли их на самый юг, в пустыни, чтобы отошавшие за зиму жеребые матки могли быстро поправиться и чтобы новорожденным жеребяткам не угрожали кручи и овраги. Отары же овец, наоборот, с пустынных пастбищ пригоняли ближе к кишлакам, так как во время скота чабанам требовалось много помощников.

Летом, когда степь выгорала, стада перегоняли на летние пастбища, а осенью возвращали в кишлаки. Узбеками использовались летовки двух видов: 1) расположенные в зоне кишлаков горных таджиков (т. е. в полосе проходных пастбищ) и 2) расположенные в высокогорной зоне, выше мест постоянного заселения. На летовки первого вида вместе со скотом отправлялись целые семьи, со всем своим скарбом, а на высокогорные пастбища — только чабаны.

На высокогорных пастбищах выпасали в основном отары богатых скотовладельцев. Люди среднего достатка для выпаса своих овец на высокогорье объединяли их поголовье в отары и нанимали чабанов или выделяли их из своей среды. Остальной скот, в частности дойных коров и коз, не отгоняли.

Внизу, в кишлаках оставались семьи бедняков и тех крестьян среднего достатка, которые имели посеы. Оставшиеся жили не в зимних поселениях, где из-за комаров, сильной жары и особенно малярии невозможно было находиться, а на адырах, вблизи бахчей (арбузы и особенно дыни, посеянные на богарных землях, занимали большое место в питании населения). Для ухода за посевами риса мужчины время от времени спускались в поймы рек. Они возвращались в кишлаки и на период уборки полей. Огородов, садов и виноградников у полукочевых узбеков, как правило, не было.

Таким образом, скотоводство полукочевых узбеков южных районов Узбекистана и Таджикистана в конце XIX — начале XX в. было отгонно-пастбищным, так как само население не совершало вместе со скотом полного цикла кочевания.

Кочевой тип скотоводства был распространен у части узбеков-кунгратов, живших в полупустынных районах (особенно в бассейне среднего течения Шерабадары), а также у немногочисленной группы казахов Малого жуза, переселившихся в Вахшскую долину в последней четверти XIX в. Здесь скотоводы вместе с семьями передвигались вслед за скотом по сезонным пастбищам, меняя место стоянки по мере стравливания пастбищ. Кунграты, например, меняли место стоянки через каждые две-три недели. Кочевали по определенным маршрутам

в пределах территории своей родо-племенной группы; только летовки могли находиться за пределами этой территории.

У кунгратов в стаде ведущее место принадлежало курдючным овцам. Разводили также коз и лошадей. Крупного рогатого скота, не приспособленного к длительным переходам, у них было мало⁸. Выше уже отмечалось, что верблюдов у кунгратов было значительно больше, чем у других узбекских племен. Имели верблюдов и казахи.

Выгонный тип скотоводства был характерен для оседлого населения равнин и предгорий, состоявшего в основном из так называемых чагатаев — таджиков и узбеков. Чагатаи во все сезоны пасли скот на пастбищах, расположенных недалеко от селения — на прикишлячных выгонах. Теплый климат позволял и зимой содержать его на подножном корму. Только в короткий зимний период животных (особенно рабочих волов) подкармливали. Ездовые кони находились на стойловом содержании в течение всего года.

В хозяйстве чагатаев скотоводству принадлежало третье или четвертое место после хлебопашества, садоводства с виноградарством и домашних промыслов или ремесла. Крестьяне среднего достатка держали столько голов скота, сколько нужно было для удовлетворения потребностей семьи и хозяйства. Лишь у зажиточных крестьян был «лишний» скот, который они обычно отдавали на выпас полукочевым узбекам; рабочих волов у них арендовали односельчане. Чагатаи никогда не продавали скот, а, наоборот, сами приобретали его у полукочевого населения.

Оседлое узбекское и таджикское население разводило в основном крупный рогатый скот, без которого невозможна обработка земли в этих районах (только в отдельных местностях — Бешкентская и Пашхурдская долины — в силу специфических почвенно-климатических условий пахоту производили на лошадях). Кроме того, в каждом хозяйстве среднего достатка было по одной — две лошади и несколько ослов, служивших для верховой езды и для перевозки грузов (как известно, в Восточной Бухаре колесного транспорта не было). Из мелкого рогатого скота держали в основном коз.

Скот пасли под присмотром наемного пастуха на свободных от посевов землях вокруг селений и ежедневно с заходом солнца пригоняли его домой. В ряде кишлаков крестьяне среднего достатка и зажиточные весной выходили со скотом на холмы, расположенные в стороне от полей. Это делалось для того, чтобы отвести скот от посевов, а также подкормить отощавших за зиму животных и запастись впрок молочные продукты. На такие весенние пастбища отправлялась обычно часть семьи, беря с собой лишь самую необходимую утварь; жили здесь в юрте или капе. Когда трава выгорала, скот с этих пастбищ пригоняли назад и вновь присоединяли его к общему стаду. В это время крестьяне покидали свои тесные жилища в кишлаках и на весь период созревания и уборки урожая с полей, садов и виноградников переселялись в сады, к которым примыкала и часть орошаемых полей.

В жаркое время возвращавшихся с выгоревших пастбищ животных, главным образом дойных коров и ездовых лошадей, подкармливали дынными корками, люцерной, сорными травами. Из-за плохого корма и жары коровы и козы, составлявшие большую часть стада, были малопродуктивными.

В конце мая приступали к уборке зерновых. После окончания жатвы скот выпускали свободно пастись по стерне (в основном для удобрения полей).

⁸ По словам узбеков, относившихся в прошлом к полукочевым группам, коров «за скотину не считали», говядину в пищу не употребляли. Некоторое внимание крупному рогатому скоту стали уделять только со времени перехода значительной части узбеков на оседлость, т. е. с последней четверти XIX в.

Таким образом, у оседлых жителей равнин и предгорий наблюдались своеобразные сезонные переселения из кишлаков: весной — на весенние пастбища (со скотом отправлялась лишь часть семьи и только у зажиточных крестьян, которые составляли меньшинство), летом — в сады; осенью — из садов вновь в кишлаки. Эти переселения, разумеется, отнюдь нельзя назвать кочеванием, хотя в ряде местностей летним жилищем служила юрта, заимствованная у полукочевых узбеков. Однако типичным жилищем в садах было глинобитное, каркасное или сложенное из камней помещение типа кладовой с пристроенной к нему верандой, открытой с двух или трех сторон (чапканди).

Стойлово-выгонно-яйлажный тип скотоводства был характерен для оседлого, преимущественно таджикского населения горной зоны. Скотоводство у этой группы населения играло большую роль, чем у оседлых жителей равнин и предгорий, занимая второе место после хлебопашества. Весной, когда сходил снег с горных склонов, таджики выгоняли скот на прикишлячные пастбища, а при появлении на полях всходов, отгоняли его на более или менее удаленные от селений летние пастбища — *айлок* (тюрк. *яйлак*, *джайляу*, отсюда принятый в географии термин *яйлажный*), куда переселялась и часть жителей, преимущественно женщины, для заготовки впрок молочных продуктов; осенью скот вновь пасли на прикишлячных выгонах и на стерне.

Разводили крупный рогатый скот, служивший основной опорой земледельца, коз, овец, а также лошадей и ослов. Табунного коневодства в этой зоне не было. Скотоводство не было товарным⁹.

Как известно, в некоторых крупных городах Узбекистана бытовал стойловый тип скотоводства, при котором скот содержали круглый год в стойле. В Восточной Бухаре больших городов не было. Население городов занятие ремеслом сочетало с земледелием (недаром городские кварталы здесь, как правило, назывались кишлаками) и скотоводством. Городские кварталы имели свои выгоны, и горожане для выпаса скота нанимали пастуха. Большая часть городского населения переселялась на лето в сады.

Исторически сложившиеся культурные традиции отдельных этнических групп в конце XIX — начале XX в. продолжали еще играть большую роль в хозяйственной деятельности населения. Относительной устойчивости традиций, существованию определенной хозяйственной специализации этих групп способствовали издавна установившиеся экономические связи между ними и между отдельными историко-культурными районами. В результате различные этнические группы, живущие в сходных природных условиях (например, таджики и узбеки Яванской долины или низовьев Яхсу), иногда имели различный тип хозяйства. Однако повсеместно протекающий процесс оседания кочевников приводил к постепенной утрате ими хозяйственной специфики (например, узбеки-дурмены низовьев Кафирнигана). Процесс этот шел постоянно, ускоряясь или замедляясь в зависимости от изменений социально-экономических, политических и природных условий. Феодалные междоусобные войны, окончательное завоевание восточных бекств Бухарским ханством, рост товарно-денежных отношений в связи с присоединением Средней Азии к России, стихийные бедствия (засуха, саранча, снежная зима или гололедица, эпизоотии и т. п.) — все эти события XIX — начала XX в. ускорили давно начавшийся процесс оседания узбеков, арабов и др., а оседание неизбежно приводило к постепенному сближению хозяйственного уклада различных этнических групп.

⁹ Характеристику горнотаджикского скотоводства и библиографию по этому вопросу см. в работе «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 151—175.

SUMMARY

Four main types of cattle herding existed in the southern districts of Uzbekistan and Tajikistan which in the late XIX and early XX centuries formed the greater part of Eastern Bukhara:

1. Transhumance pasturing—cattle was kept the whole year round on seasonal pastures in the care of herdsmen. This type of herding was prevalent among seminomad Uzbeks, Turkmens, Arabs and some small Iranic-speaking peoples.

2. The nomad type—the cattle holders moved by seasons from pasture to pasture together with their cattle. A part of the Uzbek tribe of Kungrat living in semi-desert regions and a group of Kazakhs were nomadic.

3. Pasturing type—the cattle was kept all the year round in pastures near the *kishlak*. This type prevailed among the Tajik and Uzbek plains and hill population which had been settled from earliest times.

4. The stall-pasture-*yattlau* type—the cattle was kept in sheds in winter and driven to distant pastures in summer; part of each peasant family migrated with the cattle. In spring and autumn the herding was done on near by pastures. This type prevailed among mountain Tajiks.
